

ББК 83.3(2=411.2)
УДК 821.161.1

М. С. Жавнерович
M. Zhavnerovich
г. Магнитогорск, МГТУ им. Г. И. Носова
Magnitogorsk, NMSTU

**РЕЛИГИОЗНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕЛЕВИНА
RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL ALLUSIONS IN V. PELEVIN'S
CREATIVITY**

Аннотация: Данная статья посвящена мифологическим, а также буддистским и христианским аллюзиям в романах В. Пелевина. В работе проанализированы произведения «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Шлем ужаса», «Чапаев и Пустота».

Ключевые слова: В. Пелевин; аллюзии; мифология; религия; буддизм; христианство; постмодернизм.

Abstract: This article is devoted to mythological, as well as Buddhist and Christian allusions in V. Pelevin's novels. The works «Omon Ra», «Life of insects», «Helmet of horror», «Chapaev and Emptiness» analyzes in article.

Keywords: V. Pelevin; allusions; mythology; religion; Buddhism; Christianity; postmodernism.

Вопрос о взаимосвязанности мифологии и религии привлекал внимание многих исследователей, среди которых С. А. Токарев [16, с. 507], Д. Бринтон [17, с. 117], Г. В. Плеханов [13, с. 251], Ф. Джевонс [18, с. 264–266], А. Ф. Лосев [5, с. 458] и др.

Религия и мифология, как и у авторов классического периода, например, Е. А. Боратынского [14], в творчестве В. Пелевина играют важную роль. Одна из важных примет творчества этого автора, так или иначе ориентированного на постмодернизм [4; 6], – интертекстуальность. В своих произведениях Пелевин активно использует мифологические и религиозные аллюзии. Подобно, например Д. Марксону, Пелевин рассчитывает, что и явные, и скрытые аллюзии будут поняты читателем [7, с. 49].

Рассмотрим первый роман писателя «Омон Ра». В нем повествуется о Максиме Кривомазове, всю жизнь проработавшем в милиции. Он хотел, чтобы сыновья пошли по его стопам, поэтому и назвал старшего Овир («отдел виз и регистраций»), младшего – Омон («отряд милиции особого назначения») [10]. Но первый сын умер от менингита, а младший же с детства мечтал о небе. Повзрослев, герой поступил в Летное училище им. Алексея Маресьева. Однажды Омон проснулся и увидел привязанных к кроватям курсантов, у которых на простынях были кровавые пятна: ночью им ампутировали ноги. Так было принято

воспитывать силу воли. Вскоре героев начали готовить к полету на Луну. В финале все оказывается обманом. Никакого полета вовсе не было. Очнувшись от действия снотворных препаратов, Омон обнаружил себя в глубоком тоннеле метро. Он понял, что информация о дальних планетарных полетах, выходах человека в открытый Космос – это мистификация и способ отвлечения от серой действительности. Роман назван по имени главного героя и фонетически отсылает читателя к египетскому богу солнца (Амон-Ра). Ра – позывной Омона, он мысленно уподобил себя данному мифологическому персонажу, умирающему и возрождающемуся, светоносному и бессмертному. Это не случайно, ведь, как следует из сюжета, главный герой стремился к звездам, Луне и Солнцу, он «особый космонавт», мечтавший покорить Космос и стать подобием Бога Ра. Пройдя через смерть в московских подземельях КГБ, Омон возродился в своем «Космосе»: вагон метро становится «луноходом», а схема метро – «картой лунной трассы» [6]. Есть в данном романе параллель и с древнегреческим мифом об Икаре, который подлетел слишком близко к Солнцу на крыльях, скрепленных воском. В итоге воск расплавился, а герой погиб [3, с. 179].

Второй роман Пелевина «Жизнь насекомых» [8] тоже полон мифологических аллюзий. Это произведение – аллегория на жизнь человека, сопоставленную с жизнью насекомых. Мотив превращения человека в насекомое есть во многих мифологиях, а сами образы насекомых имеют символическое значение. Так, Муравьи в римской мифологии связаны с хтонической богиней плодородия и подземного мира Церерой. Стрекоза в поздних мифологиях – средство передвижения черта. Муха – символ нечистоты и назойливости [15, с. 378] – считается обитателем нижнего мира, как и комары, эти насекомые относятся к гадам в мифологии. Древние верили, что комары произошли от искр, отлетевших от змеи, которую люди бросили в огонь. В мотылька, по поверьям, иногда могли превращаться души умерших людей. Жук-скарабей в египетской мифологии – ипостась бога Солнца. В мифологии древних греков в цикаду (сверчка) богиня зари Эос превратила своего постаревшего мужа [1, т. 33, с. 306]. Образ Летучей мыши соотносился с миром ночи, душевного расстройства, безумия, колдовства и магических свойств, в мифе она была помощником Персефоны в ее подземном царстве. Часто душа грешника после смерти превращалась именно в летучую мышь. Пелевин пишет о Магадане духа – Шамбале. Об этой мифической стране в похмельном бреду рассказывает комар Арнольд. Туда невозможно попасть просто так, там время течет по-другому, а вход находится то ли в воздухе, то ли под землей. Примечательно, что один из героев романа, Митя, стремится на вершину, к двум огням на ней, там ему открывается смысл его существования. Это не случайно, ведь во многих мифологиях вершина – это обретение истины. Стоит упомянуть образ гнилого пня, которому во сне Мити поклоняются насекомые – тут прослеживаются мотивы языческого поклонения идолам, угадывается образ мирового древа. Стоит отметить, что в сюжете романа есть параллель и с мифом о Деметре и Персефоне [3, с. 61]. Так, пелевинская героиня Марина жертвует своей молодостью и красотой ради продолжения рода, ради дочери. Но интересно, что у Пелевина Деметра (Марина) находится под землей, а ее дочь Персефона (Наташа) уходит от нее на свет, погибает, но не воскресает, как Персефона.

В данном романе мифологические аллюзии помогают Пелевину передать особенности характеров героев: каждое насекомое соотносится с веками сформировавшимся значением, что позволяет писателю быть лаконичным в создании психологических характеристик.

Необычно использование мифологических аллюзий в романе «Шлем ужаса». Это произведение – переложение древнегреческого мифа о Тесее и Минотавре [3, с. 182–191], созданное в форме гипертекста: восемь героев знакомятся в чате и понимают, что они стали участниками мифа. Они попали в лабиринт (здесь прослеживается связь с Кносским лабиринтом на Крите, куда Минос помещает Минотавра [3, с. 182–191]), из которого им, подобно Тесею, нужно выбраться. Главный символ произведения – лабиринт, он есть у каждого героя: бесконечная аллея в парке у Изольды и Ромео; подвал с картонными перегородками у Организма; пустая комната со столом, на котором лежит пистолет с одним патроном, у Монстродамуса. Для читателя лабиринтом становится сам текст. Но нельзя не отметить, что название романа отсылает нас к другому мифу, скандинавскому. Шлем ужаса принадлежал клану Одина, основной его особенностью было то, что носящий его наводил ужас на всех существ. Шлем является частью сокровищ Нибелунгов. Герой Сигурд возвратил это сокровище богам, убив чудовищного змея Фафнира. Кроме того, в романе есть героиня по имени UGLI666. «ugly» в переводе с английского языка – ужасный, безобразный, в скандинавских мифах существует слово «игг» – ужасный. Также есть миф об Иггдрасиле – «ужасном дереве». Это дерево имеет три корня, которые опускаются до Хеля, таинственного подземного мира, и расходятся оттуда к Ётунхейму, царству великанов, и Мидгарду, обители людей. Крона древа простирается над всем миром, а ветви достигают Неба, на них живут боги и павшие герои. Это и объясняет тот факт, почему этой героине лабиринт привиделся именно в форме дерева. Однако более важными в произведении Пелевина являются древнегреческие мифологические аллюзии. Так, одну из главных героинь зовут Ариадной. В греческой мифологии это дочь правителя Крита Миноса и Пасифаи, а также внучка Гелиоса, которая спасла Тесея из лабиринта, дав ему клубок нитей, с помощью которого герой нашел выход [3, с. 182–191]. У Пелевина Ариадна – героиня, поддерживающая всю смысловую организацию романа. Ее сны, рассказанные остальным, дают понять устройство и принцип действия Шлема ужаса, что является своеобразной «нитью Ариадны», которая может помочь выбраться из лабиринта.

В предисловии к роману «Чапаев и Пустота» [11] Пелевин говорит, что автором произведения является анонимный монах, а редактором – буддист [11, с. 7–11]. Самая очевидная аллюзия – это фамилия главного героя – Пустота, которую одновременно можно назвать и одним из основных понятий буддизма. Броневику Чапаева не случайно имеет щели, похожие на глаза Будд. Побег – это буддийское освобождение от мира страданий. Лишь отказавшись от своего иллюзорного «Я» и веры в постоянство окружающих вещей, через просветление движешься к Нирване. Именно поэтому Чапаев радуется, услышав ответ на вопрос: «Кто ты?» – «Не знаю»; «Где мы?» – «Нигде». Ведь осознание себя и мира как пустоты – это последний этап на пути к Нирване, а также лейтмотив романа, который Пелевин

всячески обыгрывает. В буддизме достижение Нирваны связывают с преодолением реки. Для обозначения переправы, ведущей к Нирване, используется термин «парамита». Чапаев расшифровывает слово «Урал» как «Условная Река Абсолютной Любви» (скорее всего это христианская аллюзия – «Бог есть любовь»), смерть – это только переход к Нирване. В финале романа Чапаев и Анка остаются живыми. Важная деталь: у Чапаева отсутствует левый мизинец. Он был использован Анкой как глиняный пулемет, это намек на мизинец будды Анагамы, который, указывая на что-либо, уничтожал это. Отсутствие мизинца – указание на то, что он Будда. В «Чапаеве и Пустоте» противопоставляются два мифа: западный (о Вечном Возвращении) и восточный (древний монгольский миф о Вечном Невозвращении). Описывая диссидента-невозвращенца, Пелевин наделяет его чертами «анагамы» – одного из четырех типов личностей в буддизме, не возвращающегося из Нирваны в Сансару. Чапаев, Петр и Анка, нырнув в Урал, становятся «невозвращающимися», перешедшими к такому состоянию, когда реальность оказывается равной чистому уму, пустота – равной форме, а пространство – сознанию. Писатель приводит героев к просветлению. Стоит отметить, что, как считает исследователь Г. Нефагина, буддистская философия у Пелевина «... воссоздается с ощутимой иронией, как одна из возможных иллюзий» [6, с. 114–121]. А ее носитель Чапаев с иронией совершает трансформацию в одно из воплощений Будды. Это подтверждает мысль о том, что любое учение не может быть абсолютно истинным.

В данном романе Пелевин использует и христианские аллюзии. Автор описывает бредовые видения больного «Марии», используя Евангельские сопоставления Христа с Женихом: «Мария с радостным замиранием сердца узнала в Женихе Арнольда Шварценеггера... – О, дева Мария, – ... сказал Шварценеггер... – Нет, милый, – сказала Мария, загадочно улыбаясь ... – просто Мария» [11]. Другой больной, Володин, переиначивает сюжет Преображения. Нетварный свет, сшедший в Евангелиях на Христа с небес, он ассоциирует с самим собой. Речь идет о рисунке Володина, на котором изображено «снихождение небесного света» на двух его ассистентов-уголовников (в Евангелии свидетелями Преображения были апостолы).

В заключение стоит отметить, что В. Пелевин, «... повторяя миф, реконструируя его, воспроизводит <...> фундаментальные основания человеческого существования и бытия вообще». «Сюжет любого романа – это некие испытания, преодоление трудностей и преград на пути героя, а сама цель духовных поисков остается далекой и неясной» [2].

В своих произведениях писатель смешивает различные буддистские методы, в его творчестве также обнаруживаются христианские мотивы. Для любознательных людей Пелевин может стать проводником к серьезной философской и религиозной литературе.

Библиографический список

1. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Изд-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1890–1907.

2. Гурин, С. Пелевин между буддизмом и христианством / С. Гурин. – <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (дата обращения : 02.02.2019).
3. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1954.
4. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература – 1950–1990-е годы (Т. 2. 1968–1990) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – <https://www.litmir.me/br/?b=284791&p=150> (дата обращения : 10.02.2019).
5. Лосев, А. Ф. Мифология / А. Ф. Лосев // Философская энциклопедия. – М. : Наука, 1964. – Т. 3. – С. 458.
6. Нефагина, Г. Л. Системность русской прозы XX века. Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе / Г. Л. Нефагина // Проблемы теоретической и исторической поэтики : материалы международной научной конференции : в 2 ч. – Ч. 1. – 1998. – № 4. – С. 114–121.
7. Никулина, А. Н. Литературные аллюзии в романе Д. Марксона «Любовница Витгенштейна» / А. Н. Никулина // Libri Magistri. – 2017. – № 3. – С. 49–55.
8. Пелевин, В. Жизнь насекомых / В. Пелевин. – М. : АСТ, 2017. – 180 с.
9. Пелевин, В. Омон Ра / В. Пелевин. – М. : Текст, 1992. – 130 с.
10. Пелевин, В. Чапаев и Пустота / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2019. – 416 с.
11. Пелевин, В. Шлем ужаса / В. Пелевин. – М. : Открытый мир, 2005. – 224 с.
12. Плеханов, Г. В. О религии и церкви / Г. В. Плеханов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 606 с.
13. Рудакова, С. В. Мифологическое, историческое, поэтическое в контексте «Алкивиада» Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 7–14.
14. Рудакова, С. В. Системность художественного мышления Е. А. Боратынского – лирика : дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Рудакова. – Екатеринбург, 2014. – 555 с.
15. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.
16. Brinton, D. G. Religions of primitive peoples / D. G. Brinton. – L. : Putnam, 1898.
17. Jevons, F. B. An introduction to the history of religion / F. B. Jevons. – L. : Methuen, 1896.